

УДК 903.27.73(470.51)(045)

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.2.88.102>

НОВЫЕ НАХОДКИ ПРЕДМЕТОВ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА ИЗ АРЕАЛА АНАНЫНСКОЙ КИО В СРЕДНЕМ ПРИКАМЬЕ

© 2022 г. Е.М. Черных, А.Е. Митряков

Публикуются новые находки художественного литья второй половины I тыс. до н.э., выполненные из медных сплавов. Предметы представляют значительный интерес как оригинальные образцы изобразительного творчества населения Прикамья в раннем железном веке и как источники, позволяющие решать вопросы межкультурных контактов, взаимодействия миров с различными хозяйственными доминантами. Часть публикуемых находок в некоторой степени связана с памятниками, назначение которых в прикамской археологии еще требует изучения (Галановское культовое место), а новая находка секиры «пинежского» типа позволяет вновь вернуться к проблемам статуса отдельных вещей, социологии обществ раннего железного века лесной зоны.

Ключевые слова: археология, древнее искусство, Прикамье, культовое литье, звериный стиль, ананьинская культурно-историческая область, культовые места, статусные символы.

NEW FINDS OF FINE ART OBJECTS FROM THE ANANYINO CULTURAL AND HISTORICAL AREA IN THE MIDDLE KAMA REGION

E. M. Chernykh, A. E. Mitryakov

The authors publish information about the new art casting finds of the second half of the 1st millennium BC, which are made of copper alloys. The items are of considerable interest as original examples of the artistic work of the population of the Kama Region in the early Iron Age, and as sources allowing to solve the issues of intercultural contacts, the interaction of realms with various economic dominants. Some of the published finds are to a certain extent related to sites whose purpose in the Kama archaeology remains to be studied (Galanovo worship place), and the new discovery of a “Pinezhsky” type of axe allows us to turn back to the issues of the status of individual items, and the sociology of the Early Iron Age societies of the forest zone.

Keywords: archaeology, ancient art, Kama region, cult casting, animal style, Ananyino Cultural and Historical Area, places of worship, status symbols.

В течение последних лет на кафедре истории Удмуртии, археологии и этнологии Удмуртского государственного университета поступили несколько предметов, представляющих собой уникальные для Волго-Уральского региона образцы древнего изобразительного искусства. Все они были найдены в разное время в разных районах правобережья р. Камы. Не везде удалось, к сожалению, установить археологический контекст находок, но все же места обнаружения части предметов были локализованы в ходе разведочных работ и соотнесены с конкретными памятниками археологии. В данной предварительной публикации авторы ставили перед собой задачу ознакомить научное сообщество с этими интереснейшими находками, воспользовавшись прекрасным поводом, а именно, юбилеем известного специалиста в археологии бронзового и раннего железного веков, древнейшей металлургии Северной Евразии – Сергея Владимировича Кузьминых. Думаем, что новый номер

журнала, статьи в котором будут тесно связаны с кругом его научных интересов, – лучший подарок Ученому.

Галановская находка (рис. 1: 1, 8)

Представляет собой скульптурное полнофигурное изображение сидящего/стоящего полиморфного существа, найденное в окрестностях с. Галаново Каракулинского района Удмуртской Республики. Из окрестностей этого же села происходит хорошо известная ананьинская «галановская» секира (Киржнер, Арматынская, 1990).

Изображение моделировано очень скупое, но, по всей видимости, с расчетом на профильный обзор (Канторович, 2015, с. 133). Прямых аналогий фигурке пока обнаружить не удалось. На первый взгляд, изображение соответствует образу «ушастой птицы» («скифского грифона», «ушастого грифона»), получившему широкое распространение и большое количество модификаций как в восточноевропейском скифском зверином стиле, так и в сибир-

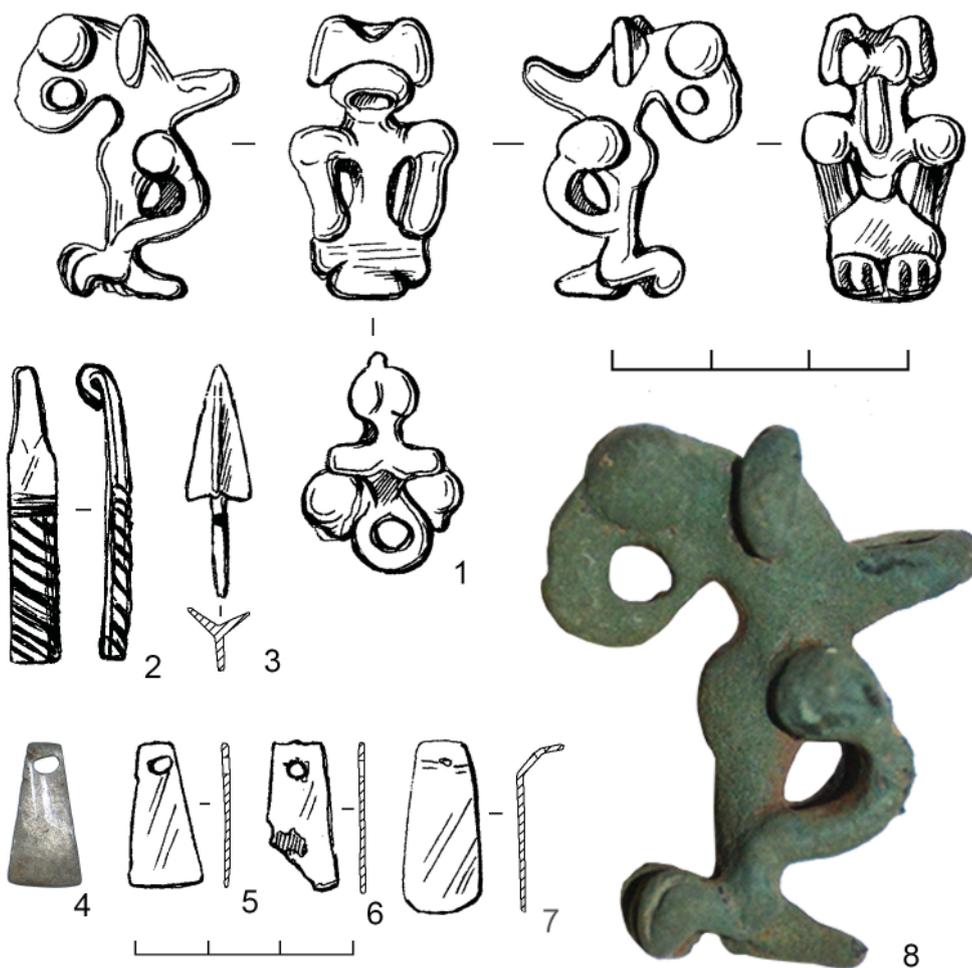

Рис. 1. Галановское культовое место. Находки кладоискателей: 1 – фигурка орлиноголового грифона (бронза, рисунок); 2 – железная подвеска (наносник?); 3 – железный наконечник стрелы; 4-7 – бронзовые подвески; 8 – фигурка грифона (фото). Рисунки Н.Ф. Шишкиной.

Fig. 1. Galanovo worship place. Finds of treasure hunters: 1, 8 – figurine of an eagle-headed griffin/eared bird (bronze, drawing and photo); 2 – iron pendant; 3 – iron arrowhead; 4-7 – bronze pendants; 8 – griffin figurine (photo). Drawings by N. F. Shishkina.

ском искусстве начала раннего железного века (Канторович, 2012, с. 222–239; Полидович, 2015, с. 96–98). С учетом отсутствия в скифологии четких признаков для образа скифского «грифона» (Погребова, 1948; Шульга, 2003; Канторович, 2012) и в данном случае сложно с абсолютной уверенностью утверждать, что именно хотел изобразить художник – зверя с птичьей головой (то есть грифона), или птицу со звериными ушами. Образ грифона узнаваем прежде всего по сильно загнутому вниз клюву (даже чересчур загнутому; создается впечатление, что он упирается в шею существа) и торчащим в стороны треугольным ушам, совсем не свойственным птицам, круглому, преувеличенно выпуклому глазу. В то же время галановский персонаж является обладателем крыльев, пусть и очень маленьких. Крылья существа редуцированные, петлевидные, но занимают в общей композиции то же место, что и растопыренные уши у некоторых

ушастых птиц (см. птицу из кург.1 Ак-Алахи-I – рис. 2: 3)¹. С пазырыкским изображением из Ак-Алахи галановское грифоподбное существо сближает собственно моделировка ушей и опущенные вниз, прижатые к тулову крылья. К этому надо добавить, что крылья незаметно замещаются ногами, напоминающими когтистые лапы хищного зверя; такие нередки на профильных изображениях хищников в ананьинском искусстве (например, на ряде изделий резной кости – рукояти с вятских Пижемского и Аргыжского городищ). Правда, ананьинские хищники почти всегда изображаются четырех- или пятипальными (Ашихмина и др., 2004, рис. 68: 7; 69: 3, 4; 70: 1), а галановский – трехпальный.

Некоторое, хотя и отдаленное, сходство можно отметить у галановского монстра с изображениями «летающих» птиц-грифонов – подражаний скифским образцам (Васильев, 2004, с. 281) – на бляшках из погр. 15

Котловского могильника (Збруева, 1952, с. 140, табл. IV: 8; Чемякин, Кузьминых, 2009, рис. 1: 11, 12) и Скородумского «клада» (Коренюк, Майстренко, 2011, с. 141–146, рис. 2: 2). А.А. Чижевский датирует эти бляшки IV в. до н. э. (2017, с. 219), справедливо заметив определенную иконографическую близость в изображении клюва хищной птицы с поясными крючками V–IV вв. до н. э. из курганов Среднего Подонья. Можно добавить, что сходство заметно не только в передаче клюва, но и выделенных рельефом глаз и ушей (Гуляев, 2016, с. 29–35; Мясников, 2017, рис. 3: 55).

Скульптурное изображение (высота фигурки 40 мм) предназначалось, как представляется, для крепления в вертикальном положении, причем устойчивость столь небольшой фигурки достигалась, по-видимому, за счет горизонтально развернутой петли в месте перехода от головки к туловищу существа, а также двух «отверстий» между туловом и верхними конечностями/крыльями. В первом случае ремешок, очевидно, продевался сверху вниз (или снизу вверх), во втором – по горизонтали. Такой способ крепления дает основание думать, что фигурка являлась частью уздечных наборов – крепления суголовного и наносного ремней. Но в то же время существо опирается не только на ноги, но и на небольшое, квадратной формы основание, что позволяет ему довольно устойчиво держаться в вертикальном положении, как миниатюрной статуэтке. Такая поза для изображений ушастых птиц в целом обычна. Достаточно взглянуть на ананьинских «птичек» (рис. 2: 5, б), опирающихся на распущенный хвост, или хищных птиц на алтайских деревянных украшениях сбруи (рис. 2: 1–4).

Элементный состав металла, из которого изготовлена фигурка, установленный методом РФА, позволяет отнести его к группе мышьяковистых бронз (основные: Cu – 78,9 и As – 16,3).

Изображения ушастой птицы характерны для периода «скифской классики» V–IV вв. до н. э. (Канторович, 2012, с. 224). Но в случае с галановской находкой несколько настораживает далеко зашедший прием стилизации, что может косвенно свидетельствовать о более поздней дате нашей находки.

К возможно более поздней дате находки позволяет склоняться не только стилистическое своеобразие фигурки. Предметы были получены от черных копателей специалистом Сарапульского историко-архитектурного музея-заповедника Николаем Леонидовичем

Решетниковым и переданы нам. Разведочное обследование места находки было выполнено в 2018 г., в результате чего выявлен новый для данного района Прикамья объект, получивший наименование Галановского культового места (Хуснутдинов, Отчет, с. 21–29; Перевозчикова и др., 2020, с. 12–13). Комплекс мероприятий, выполненный в ходе разведочных работ, включал заложение шурфов и инструментальную съемку топографического плана памятника. В результате работ было установлено наличие незначительного по мощности (0,2–0,3 м) культурного слоя, нарушенного глубокой распашкой. Культурный слой ярко характеризуют сильно измельченные кальцинированные и сырые кости, а также большое количество зубов лошади (в том числе частично обожженных), что составляет особенность позднеананьинских и гляденовских жертвенных мест (святилищ). Топографически памятник приурочен к поверхности коренного берега р. Камы, рассеченного долиной правого камского притока р. Серебренки. Он занимает ровную площадку в тыловой части длинного и высокого (40–60 м) мысовидного выступа, обращенного к этому небольшому водотоку. Поверхность в 1970-е годы была целенаправленно занята защитными лесополосами (посадками сосны).

Вместе с фигуркой грифоноподного существа были найдены еще несколько предметов:

– Железный наконечник стрелы черешковый, трехлопастной с треугольной головкой длиной 1,4 см и ровной базой (рис. 1: 3). По мнению В.А. Иванова, такие стрелы появляются на вооружении прикамских племен не ранее II в. до н. э. (1984, с. 10), но в правобережье Камы они редки. Например, в могильнике Чеганда II черешковые трехлопастные железные проникатели обнаружены лишь в 4 погребениях (Генинг, 1970, с. 82), а в Нырғындынском II – 26 подобных стрел, но с довольно крупной (более 2 см), как у кара-абызских стрел, головкой (Голдина, Красноперов, 2012, с. 8). На верхнекамских гляденовских костяках такие наконечники, напротив, являются довольно частой находкой (Лепихин, 2007, с. 86).

– Плоские трапециевидные подвески, размерами 2,0–2,5 см (рис. 1: 4–7) – характерное украшение женского костюма ананьинско-пьяноборского времени, с широкой датой, соответственно. Все подвески выполнены из сплавов на медной основе, вторым по значимости компонентом было олово (Cu – 54,6–68,5; Sn – от 26,3 до 40,5). Тот же компонент-

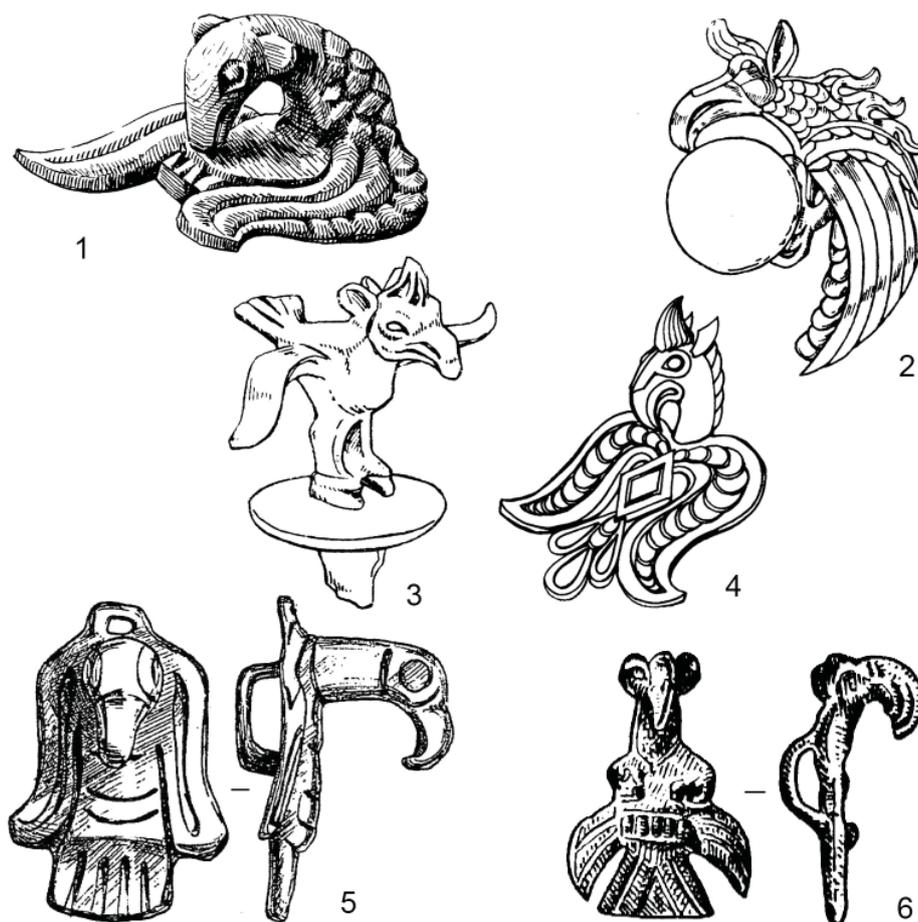

Рис. 2. Аналогии галановской фигурке из памятников Восточной Европы и Сибири: 1 – Ак-Алаха-1, кург. 1; 2 – Туэктинский курган; 3 – Берельский курган; 4 – курган Кутургунтас; 5 – Скородумский «клад»; 6 – Котловский могильник.

Fig. 2. Counterparts of the Galanovo figurine from the sites of Eastern Europe and Siberia: 1 – Ak-Alakha-1, barrow 1; 2 – Tuekta barrow; 3 – Berel barrow; 4 – Kuturguntas barrow; 5 – Skorodumsky “hoard”; 6 – Kotlovsky burial ground.

ный состав сплавов – высокооловянистых бронз – демонстрирует большая серия блях и подвесок из Ныргындинского II могильника, проанализированная С.Е. Перевощиковым и Т.М. Сабировой (Голдина и др., 2012, с. 342–345, табл. 1).

– Подвеска в виде узкой железной пластины, верхний конец которой заужен и загнут в петлю (рис.1: 2). Длина 40 мм, ширина 6 мм (вотив?). Лицевая часть украшена наклонной насечкой.

Если наши предположения относительно культового назначения нового выявленного объекта верны, тогда вероятность датировки галановской «ушастой птицы» позднескифско-сарматским временем (последняя четверть I тыс. до н. э.) оказывается вполне возможной.

Тарасовские находки (рис. 3)

Комплект находок – медный нож, наконечник стрелы и бронзовая фигурная пластина – происходит из окрестностей хорошо извест-

ного археологического памятника – Тарасовского могильника (Сарапульский район УР). Находки собирались в разное время Н.Л. Решетниковым с распахивавшейся поверхности в пойме правого берега Камы. В 2012 г. при археологическом обследовании О.А. Карпушкиной здесь было выявлено Тарасовское XIII селище, занимающее едва выраженную в рельефе «гривку» (рис. 3: 7). С территории селища были собраны фрагменты лепной керамики с примесью органики, позволившие отнести его к ананьинско-пьяноборско-мазунинскому времени (Карпушкина О.А., отчет за 2012 г.). После передачи указанных находок в 2018 г. территория объекта была вновь обследована, при этом установлено, что его поверхность заросла травой и мелким кустарником (Шуравин, Отчет за 2019 г., с. 24; Перевозчикова и др., 2020, с. 13).

В коллекции индивидуальных предметов, переданных нам Н.Л. Решетниковым, самым безусловно оригинальным является изделие,

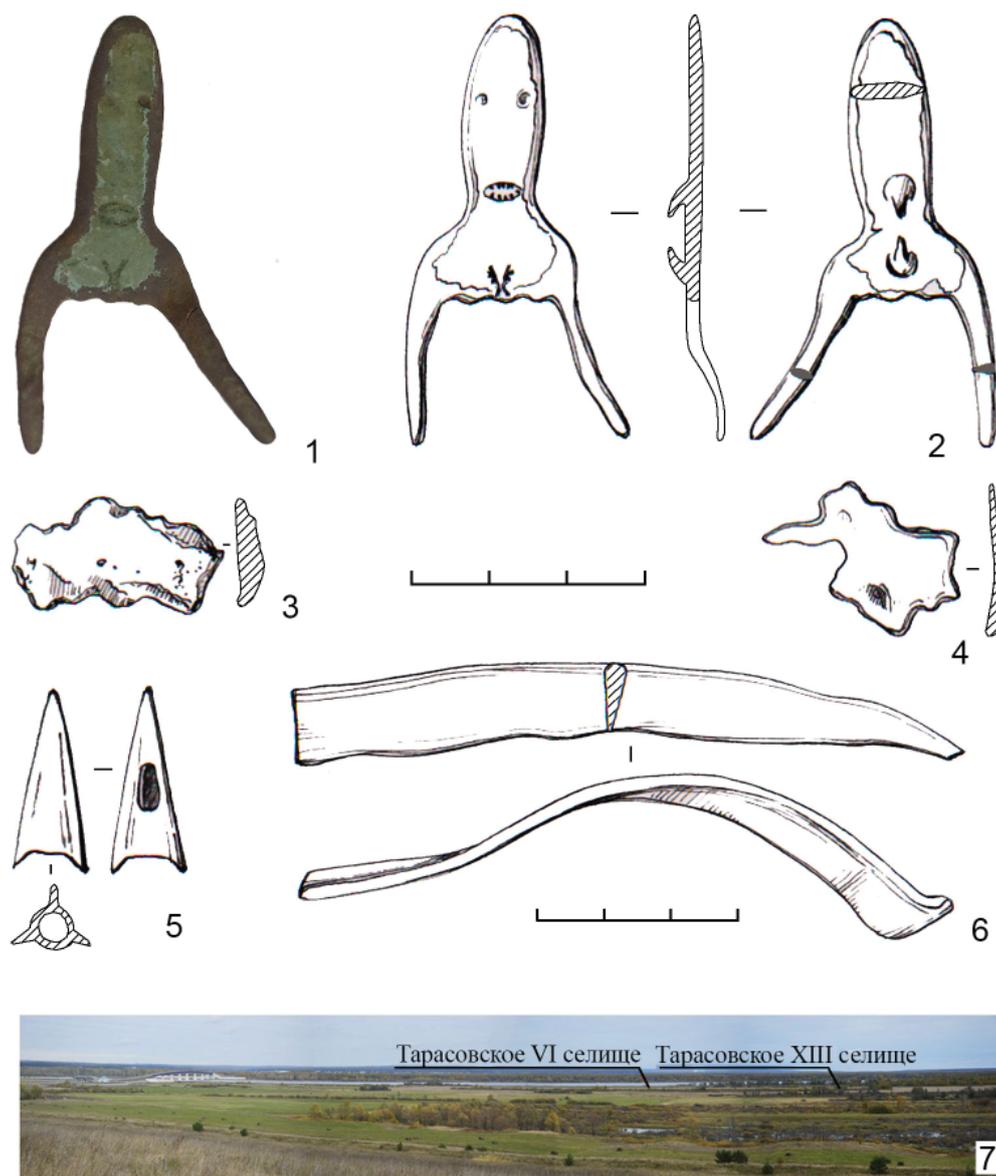

Рис. 3. Тарасовские находки: 1 – антропоморф (медь, фото); 2 – прорисовка антропоморфа; 3-4 – медные слитки; 5 – наконечник стрелы; 6 – нож (медь); 7 – пойма р. Кама вблизи с. Тарасово (Сарапульский район Удмуртской Республики (фото С.А. Перевозчиковой).

Fig. 3. Tarasovo findings: 1 – anthropomorph (copper, photo); 2 – anthropomorph - drawing; 3-4 – copper ingots; 5 – arrowhead; 6 – knife (copper); 7 – floodplain of the Kama river near the Tarasovo village (Sarapul District of the Udmurt Republic (photo by S. A. Perevozchikova).

представляющее собой образец культового литья (рис. 3: 1, 2). Это медная пластина – антропоморф длиной 5,5 см. Верхняя ее часть имела форму вытянутого овала («обмылка» – определение к.и.н. С.Н. Паниной), переходящего в непропорционально укороченное тулово с двумя длинными выступами – ножками (или руками?). С оборотной стороны пластины припаяны два острых зубца-зажима для крепления к основе. На лицевой стороне фигурки тонким инструментом обозначены два точечных вдавления – глаза, «утопленным» овалом – рот, а в нижней части тулова, в основании разветвления «ножек/ручек», вырезано подобие косога креста.

И вновь приходится констатировать отсутствие прямых аналогий фигурке. В Прикамье такие неизвестны, хотя изображения человека, выполненные в технике плоского литья либо вырезанные из металлического листа, не являются редкостью среди находок на гляденовских костяках Верхнего Прикамья (Лепихин, 2007, с. 91–93). Но антропоморфизм гляденовских изображений, как будто, не требует доказательств. Он легко считывается как в общей иконографии образа, так и в деталях (голова, глаза, нос, рот, руки, ноги, признаки пола).

Тарасовская фигурка по формальным признакам ближе всего к антропоморфным

изображениям в свите зауральско-западно-сибирских художественных бронз раннего железного века (кулайские, иткульские) с их схематизмом и непомерно большими головами (Чернецов, 1953, с. 176; Чиндина, 1984, с. 41–42; Чемякин, 2011, с. 147–153; Панина, 2016, с. 224–331). Правда, по замечанию Ю.П. Чемякина, у кулайских антропоморфов лица почти всегда имеют сужение к подбородку или шее. К тому же глаза, нос и рот у сибирских «человечков» (как у личин, так и у полнофигурных) практически всегда показаны рельефными бугорками или валиками. Некоторое сходство тарасовский антропоморф обнаруживает с предметом, найденным в Уватском районе Тюменской области, на Иртыше (Пойковская коллекция), происхождение которой, к сожалению, связано с грабительскими раскопками (Яковлев, 2018, с. 30, рис. 14-2)². Тарасовский антропоморф, как и «иртышский идольчик», имел гипертрофированно удлиненную головку и очень схематичные «ножки/руки».

Для установления даты антропоморфа некоторое, хотя и не решающее, значение имеют другие предметы, собранные Н.Л. Решетниковым на том же памятнике:

– Бронзовый трехлопастной наконечник стрелы с внутренней втулкой и опущенными лопастями (рис. 3: 5), мелкий (длина 2,2 см), с треугольной формой головки и нечетким разделением втулки и лопастей (КТР С-50, по С.В. Кузьминых (1983, с. 110)). Для камских ананьинских могильников (Ананьинский, Зуевский) наиболее характерны стрелы с дуговидными головками; треугольные экземпляры получают распространение сначала в кара-абызских колчаных наборах IV–III вв. до н. э. (Кузьминых, 1983, с. 110; Пшеничнюк, 1993, с. 38).

– Однолезвийный нож, без черенка, со слегка изогнутой спинкой, длиной 10,2 см, шириной лезвия 1,3 см (рис. 3: 6). Орудие получило повреждения, очевидно, при распашке территории (перегнутое лезвие, кончик загнут в крючок). По форме в целом напоминает нож из погребения 121 Зуевского могильника (последний, правда, имел более крупное лезвие; Худяков, 1933, табл. VII: 38) и по формальным основаниям вполне может быть поставлен с ним в один типологический ряд (Н-4). С.В. Кузьминых датировал подобные ножи VI–IV вв. до н. э. (1983, с. 148).

– Среди переданных находок имелись 2 мелких бесформенных кусочка цветного металла (рис. 3: 3, 4). Состав металла в

слитках был определен с помощью рентгенофлуоресцентного анализатора Bruker S1 TURBO^{SD} LE на кафедре истории Удмуртии, археологии и этнологии. В обоих случаях это оказалась металлургически «чистая» медь (Cu: 97,6–99,5). Антропоморф и нож также изготовлены из меди (Cu: 98), с той лишь разницей, что помимо меди доли процента в составе металла приходились на такие элементы, как серебро, мышьяк, свинец. Во всех образцах присутствовало также железо (от 0,4 до 1,13). «Чистая» медь характеризует как ананьинский металлургический очаг, так и зауральский иткульский (Кузьминых, 1983, с. 170–180; Кузьминых, Дегтярева, 2017, с. 19), связи между которыми были достаточно тесными.

Сам археологический объект – Тарасовское XIII селище – располагается вблизи известного Тарасовского могильника I–V вв. н. э., возникшего на месте прежде существовавшего позднеананьинского святилища (Голдина и др., 2013). Керамика из разведочных шурфов и сборов О.А. Карпушкиной представлена фрагментами ранней гладкой и «валиковой» сложношнуровой посуды с ямками-жемчужинами, датируемой не позднее VI в. до н. э., а также позднеананьинской, украшенной рядом ямок по шейке (IV–III вв. до н. э.). То есть как охарактеризованные предметы, так и керамический материал, стратиграфия шурфов указывают на длительность в использовании указанного места древним населением.

Секира из починка Владимировский (рис. 4)

Еще одна уникальная находка, к сожалению, сильно поврежденная (по всей видимости, при распашке), была передана на кафедру в марте 2021 г. Это бронзовая секира, соответствующая типу больших парадных ананьинских секир т. н. «пинежского типа» (Тальгрэн, 1919, с. 121–123).

Все известные на сегодняшний день секиры пинежского типа (рис. 5) объединяет ряд внешне узнаваемых признаков, среди которых общим является завершение втулки головкой хищной птицы с ушами (орел, орлиноголовый грифон)³. Обушок смоделирован в виде морды зубастого хищника (волка). Единственным исключением в этой серии является секира из с. Слудка в Республике Коми (р. Пожег, левый приток р. Вычегды), обух которой передан через изображение ушастого грифона (Рябцев, Семенов, 1988, с. 244–245). Различия между известными секирами заключаются также в деталях украшения втулки, вариантах

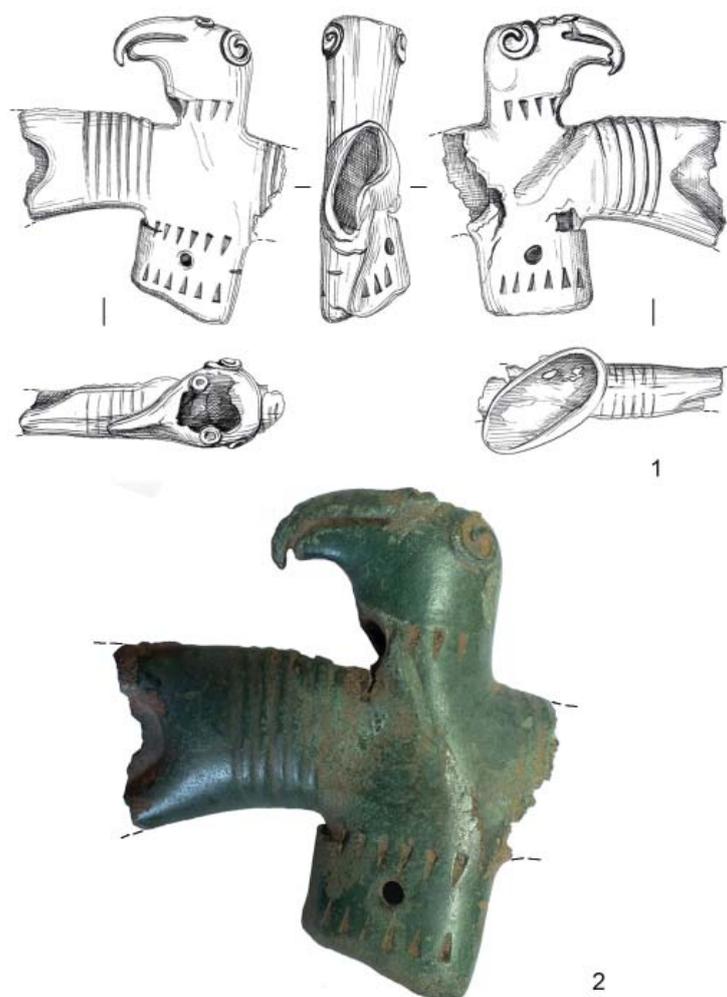

Рис. 4. Секира из поч. Владимировский: 1 – прорисовка; 2 – фото.
 Fig. 4. Axe from Vladimirovsky settlement: 1 – drawing; 2 – photo.

передачи волчьих ушей (Берлин, 2010, табл. 1, с. 159).

Владимировская секира имела довольно крупные размеры. Длина втулки – 95 мм. Втулка сильно деформирована, отчего приобрела форму овала размерами 37×17 мм. На втулке имеется одно сквозное отверстие диаметром около 5 мм для крепления к древку. Боек обломан, сохранился в длину до 50 мм, ширина его в основании 30 мм; с обеих сторон имеет арковидное углубление, как это в целом характерно для секир данного морфологического типа (Кузьминых, 1983, с. 144). Украшен 5–7 рельефными поясками-валиками. Такие же пояски были и со стороны несохранившегося обуха.

Завершением втулки служила головка крупной хищной птицы, повернутой в профиль в направлении бойка. Размеры головки в основании – 20 мм, высота 30 мм. Клюв птицы загнут вниз, имеет прорезь. Глаза проработаны рельефными бугорками, уши – рельефной же спиралью, закрученной назад, наподобие бараньих рогов. В области птичьей шеи, с

обеих сторон втулки выбит ряд из 8 крупных зубчатых насечек (по 4 с каждой стороны), вызывающий ассоциации с перьевым воротником. Таким же пояском из насечек украшен нижний край втулки: на одной стороне выбит один ряд из 6 зубчиков, с другой – два ряда по 6 зубцов, по обе стороны от сквозного отверстия. Острия зубцов направлены друг к другу. Мотив из рядов зубчиков был достаточно распространен в ананьинском искусстве (поясные крючки, прямоугольные бляшки, подвески).

Анализ химического состава металла секиры был выполнен, как и в предыдущих рассмотренных случаях, с помощью рентгенофлуоресцентного анализатора Bruker S1 TURBO^{SD} LE. Результат показал принадлежность его к сплаву меди, олова и свинца (Cu: 53,0, Sn: 26,2, Pb: 16,0) с незначительным содержанием железа (Fe 2,78) и цинка (Zn 2,11). По всей видимости, это та же химико-технологическая группа (ВУ), что была установлена для металла секиры, происходящей с Воткинско-го завода и хранящейся ныне в Национальном

Рис. 5. Секира с р. Пинега (Архангельская область). Находка 1873 г. (место хранения – ГИМ, г. Москва).

Fig. 5. Axe from the Pinega River (Arkhangelsk Oblast). Find of 1873 (storage location – State Historical Museum, Moscow).

музее Республики Татарстан (Кузьминых, Орловская, 2017, табл. 16Б, с. 164).

Внутри втулки новой секиры имеется плотная масса неясного происхождения, видимая через пролом в головке птицы, но не поддающаяся предварительной очистке и принятая при первичном осмотре за смолистое вещество. Образцы данной массы, взятые соскобом, были исследованы при помощи метода инфракрасной спектроскопии (прибор ИК-Фурье спектрометр ФСМ-2201). Профили спектров указали на преобладание в составе образцов алюмосиликатных минералов (монтмориллониты), то есть вероятную принадлежность к глинистым породам⁴. Указанное обстоятельство, на наш взгляд, хорошо коррелируется с условиями находки и подтверждает факт ее длительного залегания в почвенных слоях (смыто-намытые глины и суглинки), подвергавшихся воздействию поверхностных вод.

Датировка секиры может быть определена так же широко, как и у остальных «топориков» данного типа – VI–IV вв. до н. э.

Таким образом, мы имеем седьмую находку ананьинской секиры «классического» пинежского типа. Что характерно, это третья находка подобного типа (после воткинской и пашурской секир), происходящая с территории бывшего Сарапульского уезда Вятской губернии (нынешней Удмуртии). Если посмотреть на карту, то можно легко заметить, что все находки указанных секир локализуются в границах почти равнобедренного треугольника (со сторонами 32–35 км), расположенного в

глубине правобережья Камы, в границах водосбора небольших лесных речек Июль и Малой Вотки – притоков второго-третьего порядков (рис. 6). Место находки секиры определено нами со слов находчика Полчередникова Константина Андреевича, поднявшего находку с пашни, оно локализуется в 1,5 км к ВЮВ от восточной окраины поч. Владимирский Воткинского района УР, на левом берегу пересыхающего безымянного ручья, левого притока р. Июль (правый приток р. Позими, левого притока р. Иж). Ручей в нескольких местах запружен, огибает починок с севера и впадает в р. Июль. От места находки до реки Июль по прямой около 2,5 км.

Поле⁵, с которого была поднята секира, занимало пологий склон, примыкавший к уступу водораздельной гряды (рис. 7), протянувшейся с севера на юг и разделяющей бассейны рек Иж и Сива (обе – правые притоки Камы). Западный склон гряды прорезан многочисленными сезонными водотоками (как и упомянутый ручей), питающими реку Июль. Долина ручья хорошо выражена, довольно широкая (около 0,6 км), сухая, прорезает водораздельную гряду в направлении с востока на запад, тогда как долина р. Июль имеет меридиональную протяженность. В восточной части водораздела берут начало реки Позимь, Лынвайка, Малая Вотка. Особенность характеризуемого участка – в его расположении на стыке трех ландшафтов – равнинного и сильно залесенного Сельч-кинского, возвышенного Воткинского с высо-

Рис. 6. Места находок секир «пинежского типа» в Удмуртии (ситуационная схема, космоснимок):
1 – Пашурская; 2 – Владимировская; 3 – Воткинский завод.

Fig. 6. Location of the finds of “Pinega” type axes in Udmurtia (situational scheme, satellite image):
1 – Pashurskaya 2 – Vladimirovskaya; 3 – Votkinsky works.

кой степенью залесенности (76–87%) и Июльского (возвышенность с густым и глубоким расчленением). Такое ландшафтное разнообразие, по-видимому, послужило причиной хорошей освоенности территории в последние два столетия (в XVIII веке здесь были основаны сразу два крупных железоделательных завода Ижевский и Воткинский). Но и в древности, надо полагать, данный район мог быть интересен человеческим сообществам. К сожалению, археологически эта территория до сих пор изучена плохо.

Из анализа современной археологической карты Среднего Прикамья следует, что указанный район оказался привлекательным для заселения не ранее рубежа эр (в пьяноборскую эпоху), особенно же во второй четверти I тыс. н. э., когда носители мазунинской АК, отступая от ставших небезопасными камских берегов, активно осваивали внутренние районы Камско-Вятского междуречья. Для поселений и могильников ананьинской КИО, тяготеющих к берегам крупных рек, топография находки секиры совершенно не характерна.

Очередная находка “парадной секиры” пинежского типа заставляет вновь обратить внимание на целый ряд вопросов, как част-

ных, так и более общих, разработка которых не слишком продвинулась с середины XX века.

Замечено, что места находок «парадных» секир указывают на удаленность от основных территорий проживания ананьинских племен. Вероятно, учитывая статусность такого оружия (его особое назначение как символа власти, воинской доблести), можно солидаризироваться с предположением, высказанным пермским исследователем В.В. Мингалевым о связи находок парадных секир с т. н. «малыми» святилищами, своего рода потаенными местами, посещаемость которых была строго ограничена проведением лишь воинских (посвятительных) ритуалов (2007, с. 85).

Характеристика секир как статусного предмета кажется не вызывающей вопросов, но вот мнения о содержательных характеристиках этого статуса разнятся. В предложенной А.В. Збруевой комплексной социальной реконструкции ананьинского общества секиры описаны как «символы власти» (Збруева, 1952, с. 132 и далее). Ст.А. Васильевым они называются «своего рода знаками власти или специальными отличительными знаками вождей» (Васильев, 2002, с. 113), им же

Рис. 7. Поле у поч. Владимировский, на котором найдена секира.
Вид с ССЗ (фото Е.М. Черных).

Fig. 7. Field in the Vladimirovsky settlement, on which the axe was discovered.
View from the NNW (photo by E. M. Chernykh).

высказано предположение об их принадлежности «к атрибутам верховной власти ведущих ананьинских племен» (там же, с. 114). С.В. Кузьминых и Н.Б. Виноградов более осторожно называют их «предметами высокого социального ранга и значимости» (Кузьминых, Виноградов, 2015, с. 284).

Проблема содержания статусных характеристик ананьинских секир, на сегодня чрезвычайно далёкая от разрешения, во многом связана с вопросом социальной сложности населения Прикамья в ананьинскую эпоху. Следует отметить, что секиры типа ПС-2 и ПС-4 (по С.В. Кузьминых) происходят из таежной зоны, в которой роль производящего хозяйства в ананьинское время была ниже, чем в южной части ареала, что, несомненно, оказывало влияние как на плотность населения, так и на иерархическую сложность социальной организации. Отмеченные ещё А.В. Збруевой небольшие размеры поселений, которые она приписывала родовым коллективам, комплексность хозяйства (с исключением производящего в общем объеме необходимого продукта по мере продвижения к северу в тайгу) сегодня уже вряд ли следует соотносить с уровнем сложности, необходимым для выстраивания властных иерархий

(политий). Выделявший «племенные» группы у ананьинского населения Среднего Прикамья А.Д. Вечтомов соотносил с ними территории площадью около 200–250 кв. км (1968, с. 76–81), что также в большей степени характеризует *локальные группы*, но не вождества.

А. Джонсон и Т. Эрл для верхнего уровня управления локальных групп выделяют такие задачи, как “кооперацию при работе над крупномасштабными задачами, управление рисками, войну и церемонии” (Джонсон, Эрл, 2017, с. 114), отмечая, что при распространности военных действий и возникновении концепции локального лидерства, порождающего межгрупповые различия, у предводителей отсутствует контроль над ресурсами, а значит, и возможность подавлять, т. е. о собственно политической организации говорить ещё рано.

Следует также отметить, что образы, использованные в оформлении секир (равно как и зооморфных чеканов, встречающихся в погребальной обрядности), – хищной птицы и волка – по всей видимости, являются результатом не эндогенного развития культуры таёжных племен, а заимствования с юга и юго-востока, из степного мира (Васильев, 2002, с. 136), иного с точки зрения хозяйства, языка и главное сложности социальной орга-

низации. Можно предполагать, что кочевой мир для местного населения служил источником эталонных представлений о военной силе и воинских способностях, а его компоненты, таким образом, становились престижными статусными маркерами.

Другим важным аспектом функционирования локальных групп является церемониальная деятельность, необходимая для определения и сплочения локальной группы и регулирования межгрупповых отношений (Джонсон, Эрл, 2017, с. 114–115). И в этом отношении археологический контекст находок ананьинских секир – вне прямой связи с известными поселенческими или погребальными памятниками, конечно, заставляет предположить связь их находок с церемониальной стороной жизни ананьинских племен.

Шаг в 25–30 км, с которым располагаются на карте Удмуртского Прикамья находки секир пинежского типа (Пашурской, Воткинской и Владимировской), соотносимый с размерами территории лесной зоны, осваиваемой одной родовой группой, естественно, побуждает связать находки секир именно с этими групповыми церемониями (возможно, как предполагал В.В. Мингалёв, в таких церемониях участвовал не весь коллектив, а определённая половозрастная группа). Этому пока препят-

ствуют два обстоятельства: первое связано с крайне малой выборкой (весьма вероятно, что количество секир, до сих пор лежащих в полях и лесах таёжной зоны, существенно больше наличного) и неочевидностью того, что уже сделанные находки релевантны реальной частоте их залегания. Второе, возможно, более существенное возражение, связано с привязкой этих находок к известной территории обитания ананьинских племён: если Воткинская и Владимировская находки ещё могут быть увязаны (безусловно, с некоторой натяжкой) с локальными группами ананьинского населения, обитающими вдоль течения Камы, то Пашурская находка отстоит от скоплений памятников, надёжно атрибутированных ананьинским временем, на существенном расстоянии.

Но в целом, несмотря на вышеуказанные проблемы, идея о том, чтобы рассматривать ананьинские секиры не как символ индивидуального статуса, а как предметы групповой значимости, кажется, имеет право на жизнь; по крайней мере, с таким подходом хорошо согласуется тот факт, что, в отличие от зооморфных чеканов, более-менее гомологичных по форме и функционалу, ни одна из известных секир не происходит из погребения, где могла бы маркировать статус умершего.

Примечания:

¹ Данное сопоставление подсказано д.и.н. А.Р. Канторовичем, за что авторы искренне признательны известному исследователю скифского звериного стиля.

² Выражаем искреннюю благодарность научному сотруднику Свердловского областного краеведческого музея к.и.н. С.Н. Паниной за квалифицированную консультацию и ознакомление с указанной публикацией.

³ По мнению директора зоологического музея Удмуртского госуниверситета, к.б.н. А.Г. Меньшикова, в облике хищной птицы легко узнается беркут (или орлан-белохвост). В указанном районе правобережья Камы, особенно по р. Сива, их гнездовья известны издавна.

⁴ Аналитическое исследование выполнено канд. хим. наук, доцентом кафедры фундаментальной и прикладной химии ФГБОУ ВО «Удмуртский университет» И.С. Черепановым.

⁵ Со слов находчика следует, что секира поднята с пашни. При осмотре нами места находки весной 2021 г. поле не было распахано.

ЛИТЕРАТУРА

Ашихмина Л.И., Черных Е.М., Шаталов В.А. Вятский край на пороге железного века: Костяной инвентарь ананьинской эпохи (I тыс. до н.э.) / МИКВАЭ. Т. 12. Ижевск: УдГУ, 2006. 220 с.

Берлин А.В. Ритуальные топоры раннего железного века из Приуралья // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы, общества (XIII Бадеровские чтения): Материалы Всерос. науч. конф. Ижевск, 2010. С. 150–162.

Васильев Ст.А. Искусство древнего населения Волго-Камья в ананьинскую эпоху (истоки и формирование). Дисс... канд. ист. наук. СПб., 2002. 513 с. URL: https://www.academia.edu/attachments/31393178/download_file?st=MTYyNTIxMTg4OSw4NS4xNDIuMTQ0LjExLDQxNzYzMTE%3D&s=profile

Васильев Ст.А. Ананьинский звериный стиль. Истоки, основные компоненты и развитие // Археологические вести. 2004. № 11. С. 275–297.

Вечтомов А.Д. К вопросу о племенной организации населения Среднего Прикамья в эпоху раннего железного века // Ученые записки ПГУ. № 191. Труды КАЭ. Вып. IV / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь, 1968. С. 72–86.

Голдина Р.Д., Красноперов А.А. Ныргындинский I могильник II–III вв. на Средней Каме / МИКВАЭ. Т. 22. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. 364 с.

Голдина Р.Д., Колобова Т.А., Казанцева О.А., Митряков А.Е., Шаталов В.А. Тарасовское святилище раннего железного века в Среднем Прикамье / МИКВАЭ. Т. 26. Ижевск, 2013. 184 с.

Гуляев В.И. Зооморфные металлические крючки скифского времени в Евразии: каталог и описание. М.: ИА РАН, 2016. 102 с.

Джонсон А., Эрл Т. Эволюция человеческих обществ: От добывающей общины к аграрному государству / Пер. с англ. И. В. Кузнецова, Е. Веремеевой; науч. ред. перевода О. Маслова-Вальтер, М. Маяцкий. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. 552 с.

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / МИА Урала и Приуралья. Т. V / МИА. №30. М.: изд-во АН СССР, 1952. 328 с.

Иванов В.А. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа (I тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э.). М.: Наука, 1984. 88 с.

Канторович А.Р. К вопросу об истоках и вариациях образов грифона и грифоноподобных существ в раннескифском зверином стиле VII–VI вв. до н.э. // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти И.И. Гущиной / Труды ГИМ. Вып. 191 / Отв. ред. Д.В. Журавлев, К.Б. Фирсов. М., 2012. С. 196–243.

Канторович А.Р. Образы синкретических существ в восточноевропейском скифском зверином стиле: классификация, типология, хронология, иконографическая динамика // Исторические исследования. 2015. № 3. С. 113–218.

Карпушкина О.А. Отчет о разведочных работах, проведенных летом 2012 года в Сарапульском и Камбарском районах Удмуртской Республики. Ижевск, 2013 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 571.

Киржнер Е.Э., Арматынская О.В. Бронзовая ананьинская секира из с. Галаново // СА. 1990. № 3. С. 256–259.

Коренюк С.Н., Майстренко Д.А. Скородумский «клад» // Шестые Берсовские чтения / Отв. ред. В.Д. Викторова. Екатеринбург: КВАДРАТ, 2011. С. 139–146.

Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М., 1983. 257 с.

Кузьминых С.В., Виноградов Н.Б. Бронзовая секира из Златоустовского музея // Поволжская археология. 2015. №1 (11). С. 274–290.

Кузьминых С.В., Дегтярева А.Д. Металлопроизводство иткульской культуры Среднего Урала (по аналитическим данным) // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 4 / Отв. ред. и сост. В.И. Завьялов, С.В. Кузьминых. М.: ИА РАН, 2017. С. 18–35.

Лепихин А.Н. Костица гляденовской культуры в Среднем и Верхнем Прикамье. Пермь: ООО ИД «Типография купца Тарасова», 2007. 224 с.

Мингалев В.В. Зооморфные изображения на оружии и деталях конской сбруи ананьинской эпохи (X–II вв. до н.э.) // Арт. 2007. № 4. С. 81–87.

Мясников Н.С. Новые случайные находки ананьинского времени на территории Чувашии // Археология Евразийских степей. 2017. № 4. С.44–48.

Панина С.Н. Анализ элементов иконографии в металлопластике раннего железного века лесного Зауралья и Западной Сибири как инструмент исследования генезиса иткульской культуры // Седьмые Берсовские чтения. / Отв. ред. В.Д. Викторова. Екатеринбург, 2016. С. 224–231.

Перевозчикова С.А., Шуравин Е.В., Хуснутдинов И.Р., Черных Е.М. Разведочные работы на юге Удмуртской Республики // Археологические открытия в Удмуртии – 2019 / Отв. ред. Е.М. Черных. Ижевск, 2020. С. 12–13.

Погрехова Н.Н. Грифон в искусстве Северного Причерноморья в эпоху архаики // КСИИМК. 1948. Вып. XXII. С. 62–67.

Политович Ю.Б. Образы фантастических животных в искусстве народов скифского мира // Донецкий археологічний збірник. 2015. № 19. С. 85–142.

Пшеничнюк А.Х. Хронология и периодизация погребальных комплексов Охлебининского могильника // Хронология памятников Южного Урала / отв. ред. Б.Б. Агеев. Уфа, 1993. С. 32–61.

Рябцев А.Н., Семенов В.А. Ананьинская «парадная» секира из-под Сыктывкара // СА. 1988. № 1. С. 244–245.

Тальгрэн А.М. Бронзовые топоры с головами животных из Восточной России // ИОАИЭ. Казань, 1919. Т. XXX. Вып. 1. С. 121–126.

Хуснутдинов И.Р. Отчет об археологической разведке на территории выявленного объекта археологического наследия «Галановское городище, раннее железо» в Каракулинском районе Удмуртской Республики // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 662

Чемякин Ю.П. Антропоморфная пластика раннего железного века Барсовой Горы // Шестые Берсовские чтения / отв. ред. В.Д. Викторова. Екатеринбург: КВАДРАТ, 2011. С. 147–153.

Чемякин Ю.П., Кузьминых С.В. Металлические орнитоморфные изображения эпохи раннего железа Восточной Европы и Урала У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский / Археология евразийских степей. Вып. 8. Елабуга: ИИ АН РТ, 2009. С. 216–238.

Чернецов В.Н. Бронза усть-полуйского времени // Древняя история Нижнего Приобья / МИА. №35 / Отв. ред. А.В. Збруева. М.: АН СССР, 1953. С. 121–178.

Чижевский А.А. Памятники позднего периода ананьинской историко-культурной области // Археология Евразийских степей. 2017. № 4. С. 196–256.

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1984. 255 с.

Шульга П.И. Орлы и грифоны скифского времени в Южной Сибири (разграничение и датировка образов) // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Кн. 1 / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. С. 250–258.

Шуравин Е.В. Отчет об археологической разведке, проведенной на территории с.п. Тарасовское (Сарапульский район Удмуртской Республики) осенью 2019 года. Ижевск, 2020 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 664

Яковлев Я.А. Пойковская коллекция. Каталог / под ред. Ю.В. Ширина. Екатеринбург: ИД Баско, 2018. 296 с.

Информация об авторах:

Митряков Александр Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); fluteast@mail.ru

Черных Елизавета Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); emch59@mail.ru

REFERENCES

Ashikhmina, L. I., Chernykh, E. M., Shatalov, V. A. *Vyatskiy kray na poroge zheleznoogo veka: kostyanoy inventar' anan'inskoj epokhi (I tys. do n.e.) (Vyatka Region on the Threshold of the Iron Age: Bone Inventory of Ananyino Period (1st Millennium B.C.))*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoj arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 12. Izhevsk (in Russian). Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

Berlin, A. V. 2010. In *Arkheologicheskoe nasledie kak otrazhenie istoricheskogo opyta vzaimodeistviia cheloveka, prirody, obshchestva. XIII Baderovskie chteniia (Archaeological Heritage as a Reflection of Historical Experience of Interrelations between Human, Nature, and Society)*. Izhevsk: Udmurt State University, 150–162 (in Russian).

Vasilev, St. A. 2002. *Iskusstvo drevnego naseleniia Volgo-Kam'ia v anan'inskuju epokhu (istoki i formirovanie) (Art of the Ancient Population of Volga – Kama Rivers Region in the Ananyino Epoch: Origins and Formation)*. Diss. of Candidate of Historical Sciences. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. Available at: https://www.academia.edu/attachments/31393178/download_file?st=MTYyNTIxMTg4OSw4NS4xNDIuMTQ0LjExLDQxNzYzMTE%3D&s=profile (accessed 05.03.2022) (in Russian).

Vasilev, St. A. 2004. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 11. 275–297 (in Russian).

Vechtomov, A. D. 1968. In Oborin V. A. (ed.). *Uchenye zapiski Permskogo gosudarstvennogo universiteta (Scientific Bulletin of the Perm State University)*. (191). Perm: Perm State University, 72–86 (in Russian)

Goldina, R. D., Krasnoperov, A. A. 2012. *Nyrgyndinskii I mogil'nik II-III vv. na Srednei Kame (Nyrgynda I Burial Ground from 2nd–3rd Centuries in the Middle Kama Area)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoj arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 22. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

Goldina, R. D., Kolobova, T. A., Kazantseva, O. A., Mitriakov, A. E., Shatalov, V. A. 2013. *Tarasovskoe sviatilishche rannego zheleznoogo veka v srednem Prikam'e (Early Iron Age Sanctuary Tarasovo in the*

Middle Kama River Basin). Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 26. Izhevsk (in Russian).

Guljaev, V. I. 2016. *Zoomorfnye metallicheskie kriuchki skifskogo vremeni v Evrazii: katalog i opisanie* (*Zoomorphic Metallic Hooks of the Scythian Time in Eurasia: Catalogue and Description*). Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Jonhson, A., Erl, T. 2017. *Evoliutsiia chelovecheskikh obshchestv: ot dobyvaiushchei obshchiny k agrarnomu gosudarstvu* (*The Evolution of Human Societies: from the Gatheres Community to an Agrarian State*) Moscow: Institute of Gajdar Publ. (in Russian)

Zbrueva, A. V. 1952. *Istoriia naseleniia Prikam'ia v anan'inskuiu epokhu* (*History of the Population of the Kama River Region in the Ananyino Time*). Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area) V. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 30. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Ivanov, V. A. 1984. *Vooruzhenie i voennoe delo finno-ugrov Priural'ia v epokhu rannego zheleza* (*I tys. do n.e. – pervaiia polovina I tys. n.e.*) (*Armament and Warfare of the Finno-Ugrians from the Cis-Urals in the Early Iron Age* (1st Millennium B.C. - first half of 1st Millennium A.D.)). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kantorovich, A. R. 2012. In Zhuravlev, D. V., Firsov, K. B. (eds.). *Evraziya v skifo-sarmatskoe vremya. Pamyati Iriny Ivanovny Gushhinoy* (*Eurasia in the Scythian-Sarmatian Period. In Memory of Irina Ivanovna Guschina*). Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 191. Moscow: State Historical Museum, 196–243 (in Russian).

Kantorovich, A. R. 2015. In *Istoricheskie issledovaniya* (*History Studies*) 3, 113–218–315 (in Russian).

Karpushkina, O. A. 2013. *Otchet o razvedochnykh rabotakh, provedennykh letom 2012 goda v Sarapul'skom i Kambar'skom raionakh Udmurtskoi Respubliki* (*Report on Exploration Works in the Summer of 2012 in the Sarapul'sky and Kambar'sky Districts of the Udmurt Republic*). Izhevsk. Archive of the Institute of History and Culture of Cis-Urals Peoples, Udmurt State University. Fund 2, dossier 571 (in Russian).

Kirzhner, E. E., Armatynskaya, O. V. 1990. In *Sovetskaia Arkheologiya* (*Soviet Archaeology*) (3), 256–259 (in Russian).

Korenyuk, S. N., Maistrenko, D. A. 2011. In Viktorova, V. D. (ed.). *Shestye Bersovskie chteniia* (*The 6th Bers' Readings*). Ekaterinburg: "Kvadrat" Publ., 139–146 (in Russian).

Kuzminykh, S. V. 1983. *Metallurgiya Volgo-Kam'ia v rannem zheleznom veke (med' i bronza)* (*Metallurgy of the Volga-Kama Region in the Early Iron Age (Copper and Bronze)*). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Vinogradov, N. B. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya* (*Volga River Region Archaeology*). 11 (1), 274–290 (in Russian)

Kuzminykh S. V., Degtyareva A. D. 2017. In Zav'ialov, V. I., Kuz'minykh, S. V. (eds.). *Analiticheskie issledovaniia laboratorii estestvennonauchnykh metodov* (*Analytical Studies of the Laboratory of Natural Scientific Methods*) 4. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 18–35 (in Russian).

Lepihin A. N. 2007. *Kostishcha gliadenovskoi kul'tury v Srednem i Verhnem Prikam'e* (*Bone Beds of the Glyadenovo Culture in the Middle and Upper Kama Regions*). Perm: "Tipografiya Kuptsa Tarasova" Publ. (in Russian)

Mingalev, V. V. 2007. In *Art* (*Art*) (4), 80–87. (in Russian)

Myasnikov, N. S. 2017. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei* (*Archaeology of Eurasian Steppes*). (4), 44–48 (In Russian).

Panina S. N. 2016. In *Sed'mye Bersovskie chteniia* (*The 7th Bers' Readings*). Ekaterinburg: "Kvadrat" Publ., 224–231 (in Russian)

Perevozchikova, S. A., Shuravin, E. V., Khusnutdinov, I. R., Chernykh, E. M. 2020. In Chernykh, E. M. (ed.) *Arheologicheskie otkrytiya v Udmurtii – 2019* (*Archaeological Discoveries in Udmurtia – 2019*). Izhevsk, 12–13 (in Russian)

Pogrebova, N. N. 1948. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury* (*Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture*). XXII, 62–67 (in Russian).

Polidovich, Yu. B. 2015. In *Donets'kii arkheologichnii zbirnik* (*Donetsk archaeological collection*) (19), 85–142 (in Russian)

Pshenichnyuk, A. Kh. 1993. In Ageev, B. B. (ed.). *Khronologiya pamiatnikov Iuzhnogo Urala* (*Chronology of the Southern Urals Sites*). Ufa: Ural Research Center of the Russian Academy of Sciences, 32–61 (in Russian).

Ryabtsev, A. N., Semenov, V. A. 1988. In *Sovetskaia Arkheologiya* (*Soviet Archaeology*) (1), 244–245 (in Russian).

Talgren, A. M. 1919. In *Izvestiia obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* (30) 1. Kazan: Kazan University, 121–126. (in Russian)

Yakovlev, Ya. A. 2018. *Poikovskaia kolleksiia (Poikovsky Collection)*. Yekaterinburg: “Basko” Publ. (in Russian).

Chemyakin, Yu. P. 2011. In Viktorova, V. D. (ed.). *Shestye Bersovskie chteniia (The 6th Bers' Readings)*. Ekaterinburg: “Kvadrat” Publ., 147–153 (in Russian).

Chemyakin, Yu. P., Kuzminykh, S. V. 2009. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *U istokov arkhologii Volgo-Kam'ia (k 150-letiiu otkrytiia Anan'inskogo mogil'nika) (At the Origins of Archaeology of the Volga-Kama Region (on the 150th Anniversary of Discovery of the Ananyino Burial Ground))*. Series: Archaeology of the Eurasian Steppes 8. Yelabuga: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 216–238 (in Russian).

Chernetsov, V. N. 1953. In Zbrueva, A. V. (ed.). *Drevniaia istoriia Nizhnego Priobia (Ancient History of the Lower Ob River Region)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkhologii (Materials and Studies in the Archaeology) 35. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 72–106 (in Russian).

Chizhevskii, A. A. 2017. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)*. (4), 196–256 (In Russian).

Chindina, L. A. 1984. *Drevnyaya istoriya Srednego Priob'ya v epokhu zheleza. Kulayskaya kul'tura (Ancient History of the Middle Ob River Basin in the Iron Age. The Kulayka Culture)*. Tomsk: Tomsk State University (in Russian).

Shul'ga, P. I. 2003. In Kiryushin, Yu. F., Tishkin, A. A. (eds.). *Istoricheskiy opyt khozyaystvennogo i kul'turnogo osvoeniya Zapadnoy Sibiri (Historical Experience of Economic and Cultural Development of Western Siberia)*. Barnaul: Altay State University, 250–258 (in Russian).

Shuravin, E. V. 2020. *Otchet ob arkhologicheskoi razvedke, provedennoj na territorii s.p. Tarasovskoe (Sarapul'skii raion Udmurtskoi Respubliki) osen'iu 2019 goda (Report on Archaeological Exploration in the Territory of Tarasovskoye settlement (Sarapulsky District of the Udmurt Republic) in the fall of 2019)*. Izhevsk. Archive of the Institute of History and Culture of Cis-Urals Peoples, Udmurt State University. Fund 2, dossier 664 (in Russian).

Khusnutdinov, I. R. 2020. *Otchet ob arkhologicheskoi razvedke na territorii vyivlennogo ob'ekta arkhologicheskogo naslediiia “Galanovskoe gorodishche, rannee zhelezo” v Karakulinskom raione Udmurtskoi Respubliki (Report on Archaeological Exploration in the Territory of the Identified Archaeological Heritage Site “Galanovo Hillfort, Early Iron Age” in the Karakulinsky District of the Udmurt Republic)*. Izhevsk. Archive of the Institute of History and Culture of Cis-Urals Peoples, Udmurt State University. Fund 2, dossier 662 (in Russian).

About the Authors:

Chernykh Elizaveta M., Candidate of Historical Sciences, Udmurt State University. Universitetskaya st. 1, Izhevsk, 426034, Udmurt Republic, Russian Federation; emch59@mail.ru

Mitryakov Alexander E. Candidate of Historical Sciences, Udmurt State University. Universitetskaya st. 1, Izhevsk, 426034, Udmurt Republic, Russian Federation; al.mitriakov@yandex.ru

Статья поступила в журнал 09.08.2021 г.

Статья принята к публикации 09.10.2021 г.

Авторы внесли равноценный вклад в работу.